

Гермиона Грейнджер села за кухонный стол в Норе и взглянула на часы. Одиннадцать пятьдесят; Гарри скоро будет здесь. На самом деле она очень нервничала, увидев его снова, и хотела бы знать, почему. К ней присоединились Рон, Джинни и мистер и миссис Уизли. Все сидели за столом, кроме миссис Уизли, которая стояла у кухонной раковины и смотрела в окно в ночь.

Глядя на Джинни, она заметила, что ее подруга тоже очень нервничает. Джинни провела большую часть вечера, пересаживаясь с места на место, грызя ногти и постоянно поглядывая на часы. Гермиона испытывала определенную симпатию к Джинни. Она прекрасно понимала, что младшая девочка, казалось бы, осуществила свои мечты в прошлом семестре только для того, чтобы их отняли у нее после похорон Дамблдора. Гермиона могла понять причины разрыва отношений Гарри, но часть ее чувствовала, что он совершает ошибку. Он казался очень счастливым с Джинни в прошлом семестре, и Мерлин знал, что ему нужно было немного счастья. У нее все еще мурашки по коже пошли мурашки, когда она подумала о том, как обращалась с Гарри в прошлом году. Впервые с тех пор, как они подружились, она

И именно поэтому она нервничала, поняла она. Будет ли он злиться на нее? Она пыталась загладить свою вину после похорон, пообещав свою полную поддержку, и хотя Гарри, казалось, принял это, она увидела обеспокоенность в его глазах. И тот факт, что ей не разрешали писать ему летом, не помогал делу. Грозный Глаз говорил об этом довольно конкретно, но она, наконец, собрала волю, чтобы бросить вызов старому аврору, и написала Гарри. Отправка его маггловской почтой, вероятно, помогла. Волдеморт не соизволил бы опуститься до рассмотрения таких методов. Ей только хотелось, чтобы она подумала об этом раньше.

Она наслаждалась этим летом, несмотря на то, что всякий раз, когда думала о Дамблдоре и Гарри, ее мучили угрызения совести. Она провела много времени со своими родителями; ничего особо не делая, просто хорошо проводя время вместе. Она хотела быть уверенной, что ее родители не сомневаются в том, как сильно она их любила, поскольку она прекрасно понимала, что с уходом Дамблдора нет никаких гарантий выживания ни для кого. Иногда ее раздражало, что Рон и остальные Уизли почти ожидали, что каждое лето она будет приезжать прямо в Нору. Неужели они не понимали, что у нее тоже есть семья? И что она может захотеть провести с ними некоторое время? Она знала, что в глубине души они преследовали ее интересы, и любила их всех, но иногда задумывалась об их изолированности от маггловского мира.

Ее отвлекло внезапное движение Рона, когда он встал и небрежно подошел к кипящей на плите кастрюле. Как раз когда он собирался поднять крышку, его мать внезапно вмешалась.

«Рональд Уизли! Отойди от этого супа! Я сказал тебе, что мы будем ждать, пока Гарри не придет сюда, прежде чем у нас будет что-нибудь поесть.

— Но, мама, я голоден. Разве я не могу иметь немного, чтобы держать меня в движении? Пожалуйста?»

«Ты всегда голодаешь, — ответила Молли, — это твое естественное состояние. А теперь отойди от этого супа, иначе ты ничего не получишь, когда придет Гарри. Честно говоря, я не знаю,

куда вы все это положили. Иногда мне кажется, что у тебя, должно быть, впалые ноги.

Рон посмотрел на Гермиону и закатил глаза, прежде чем угрюмо вернуться на свое место.

— Как ты думаешь, с Гарри все будет в порядке? — спросил он вдруг. «Только я знаю, что в последнее время у него было много дел, и провести месяц с этими магглами будет нелегко».

«Я уверена, что с ним все в порядке, — ответила она, — возможно, ему стало не по себе от скуки, но все будет в порядке, как только он доберется сюда». Она намеренно говорила легким тоном и надеялась, что Рон не заметит ее дискомфорта. Невольно он спросил то самое, о чем она думала большую часть лета. Она беспокоилась о Гарри, но не верила, что у Рона хватило воображения думать так же. Возможно, это было немного несправедливо по отношению к нему. Он, возможно, не самый чувствительный человек, но очень заботился о Гарри и дружил с ним дольше, чем она.

Дольше, но не обязательно лучше, подумала она, а затем упрекнула себя за самонадеянность. Возможно, когда-то это и было правдой, но могла ли она на самом деле претендовать на звание настоящего друга после того, что произошло в прошлом году? Она вспомнила его лицо, когда она говорила о его «спасении людей» перед попыткой спасения в Министерстве. Она не хотела его ранить; она только пыталась заставить его остановиться и подумать, но он выглядел так, как будто она ударила его. Тот факт, что она оказалась права, не был для нее утешением. Гарри просил о помощи, и она глубоко оскорбила его.

События в Министерстве потрясли ее до глубины души, и она подумала, что, возможно, это как-то связано с ее поведением в прошлом году. На каком-то уровне она всегда осознавала, что дружба с Гарри Поттером таит в себе неотъемлемую опасность, но ее чуть не убили в ту ночь, и это действительно убедило ее в том, что было поставлено на карту. Прошлым летом она вернулась домой гораздо более подавленной и замкнулась в себе. Она решила, что ей придется быть более благоразумной, чтобы избежать повторения того, что случилось. Гарри и Рон всегда вели себя опрометчиво; бросаться в опасные ситуации, не задумываясь и не планируя, и выживать, еле дыша. В таком случае она должна быть голосом разума для них троих. Она решила, что если они не собираются учитывать опасность, то ей придется сделать это от их имени.

Поэтому, когда Гарри пришел к ней со своими подозрениями насчет Малфоя и Снейпа, она отказалась воспринимать его всерьез. Она считала, что делает это к лучшему и что она оберегает их, не ввязываясь в какие-то безрассудные схемы. В то время ей и в голову не приходило, что Гарри нуждался в ней, нуждался в ее совете и нуждался в ее поддержке.

А потом Дамблдор был убит, и все изменилось.

Как будто она шла во тьме, и кто-то включил свет. Гарри был прав, и ее неверное суждение, ее благоразумие и даже ее трусость привели к смерти директора и чуть не к смерти Гарри. Он так и не рассказал подробно о событиях той ночи, и она действительно ужаснулась при мысли о том, что он пережил. А потом ей пришлось в голову, что, хотя ее чуть не убили в Министерстве,

Гарри каждый год сталкивался со смертью с тех пор, как попал в Хогвартс, и потерял почти всех, кто заботился о нем в его юной жизни. Сначала его родители; затем его крестный отец. Теперь это был его учитель и наставник, который был убит. Он был свидетелем всего этого и, зная Гарри, вероятно, тоже винил во всем этом себя. И в тех случаях, когда он врывался, не подумав, разве он не спасал жизни? Джинни на втором курсе; Сириус год спустя. А потом, конечно же, он спас ей жизнь на первом курсе, бросившись сломя голову на дуэль с горным троллем. В тот день она не жаловалась на его опрометчивость. Наконец-то она осознала, насколько эгоистичной была. Какой друг позволяет своим страхам брать верх над нуждами других?

Из задумчивости ее вырвало осознание того, что Рон разговаривает с ней.

— Я сказал ГЕРМИОНА! Вы в порядке? Ты как будто отключился на минуту там. Я уже некоторое время пытаюсь привлечь ваше внимание.

— Прости, Рон. Я в порядке. Просто у меня много мыслей. Нам нужно о многом поговорить с Гарри.

Рон кивнул и выглядел так, будто собирался ответить, но передумал и снова отвел взгляд.

Это было странно, но ни один из них, похоже, не хотел говорить о Гарри с тех пор, как она приехала вчера. Как будто они оба были полны решимости оставить прошлогодние события позади, притворившись, что их никогда не было. И это не считая всего дела Лаванды/МакЛаггана. Она знала, что этот вопрос должен быть решен, и скоро, потому что на карту было поставлено слишком много, чтобы игнорировать его. Она и Рон со вчерашнего дня ходили друг вокруг друга на цыпочках, и это должно было прекратиться.

— Нам тоже есть о чем поговорить, Рон, — добавила она. Рон снова оглянулся на нее и покраснел.

— Да, — ответил он. Они посмотрели друг на друга на мгновение, прежде чем из сада послышался громкий ТРЕК.

'Они здесь! Они здесь!' — воскликнула Молли. «Все пошли, Гарри здесь».

Гермиона отвела взгляд от Рона. На секунду она почувствовала, что не может пошевелиться, и ее сердце колотилось в груди при упоминании о прибытии Гарри. Не оглядываясь на Рона, она бросилась к задней двери и выбежала в сад.

Рон хотел пойти за ней, но почему-то взглянул на Джинни. Ее глаза следили за Гермионой за дверью, и на ее лице было очень задумчивое выражение. Она заметила, что Рон наблюдает за ней, и слегка улыбнулась ему.

'А не ___ ли нам?' — спросила она, наклонив голову в сторону двери.

— Конечно, — ответил Рон. 'После тебя.'

Джинни направилась к двери, и Рон последовал за ней, глубоко задумавшись. Возможно, она и не осознавала, но Рон заметил оба выражения на лице Джинни, когда ее глаза следили за Гермионой из комнаты. Задумчивый взгляд; и взгляд обиды, который предшествовал этому.

Впереди неприятности, подумал он про себя.

Гарри обнаружил, что стоит перед задней дверью Норы, чувствуя себя слегка дезориентированным. Люпин отпустил его руку, как только они прибыли, и воздействие Призрака вкупе с потрясением от прощальных слов Дадли вызвало у него легкое головокружение; чувство, которое не помогло, когда задняя дверь дома внезапно распахнулась, и яркий свет изнутри проник в крошечную тьму снаружи, временно ослепив его.

'Гарри! О, Гарри! С днем рождения!'

Гарри улыбнулся. Гермиона. Но прежде чем он успел открыть рот, чтобы ответить, его внезапно схватили яростные объятия, выбившие воздух из легких. Уже изо всех сил пытаясь прийти в себя, этого последнего события было достаточно, чтобы, наконец, склонить чашу весов, и он рухнул на землю, а Гермиона распласталась на нем.

— Привет, я тоже рад тебя видеть, — сказал он, смеясь, пытаясь выпутаться.

Его смех был заразительным, к нему присоединились Люпин, Тонкс, Молли и Артур.

— Разве я не получу приветственное объятие, Гермиона? — спросил Ремус, вопросительно изогнув одну бровь.

Гермиона с трудом поднялась на ноги, бормоча себе под нос, что рада видеть Гарри. Она тоже смеялась, но резко остановилась, увидев выражение лиц Рона и Джинни, когда они наконец догнали остальную часть группы. Она стала ярко-красной и надеялась, что было слишком темно, чтобы кто-нибудь заметил.

— Привет, Гарри, рад тебя видеть, приятель. С днем рождения, — сказал Рон, улыбаясь и протягивая руку, чтобы помочь Гарри подняться на ноги. Гарри с благодарностью принял предложение и позволил поднять себя, прежде чем энергично пожать Рону руку.

— Спасибо, Рон, я тоже рад тебя видеть. Это было долгое лето; Я думал, что никогда не попаду сюда.

— С днем рождения, Гарри, — сказала Джинни, подходя к нему. Она раскрыла объятия и быстро обняла его, но его ответ был робким, и он отпустил, как только смог, надеясь, что не обидел.

— Спасибо, Джинни, — ответил он. — Ты... хорошо выглядишь.

Однако его сдержанность была замечена, и Джинни на мгновение с любопытством посмотрела на него. Четверо подростков стояли, глядя друг на друга, и Гарри чувствовал неловкость между ними. К счастью, это длилось недолго, так как Молли бросилась к нему, вытирая слезы с глаз.

— О, Гарри, я так рада тебя видеть. С днем рождения!' — пробормотала она, обхватив его руками. «Ты такой худой! Теперь давай, ты должен войти внутрь. У меня на плите варится суп, и он уже должен быть готов.

По пути в дом Гарри принял объятия, рукопожатия и поздравления от Тонкс, Ремуса и Артура. Он был благодарен за то, что его прервали, так как ему нужно было время, чтобы переварить то, что только что произошло. Он прекрасно осознавал неловкость между ним и его друзьями, но не хотел иметь с ней дела прямо сейчас. Вместо этого он с нетерпением ждал кое-какой превосходной кулинарии миссис Уизли и обновленной информации о том, что он пропустил после своего изгнания к Дурслям.

oooooooo

Через двадцать минут сытый и напoeнный Гарри откинулся на спинку стула и расслабился. Подготовка миссис Уизли соответствовала ее обычным превосходным стандартам, и он расточал похвалы как супу, так и домашнему хлебу, который к нему прилагался. Разговор был легким и несерьезным, главной темой была предстоящая свадьба. Гермиона, Джинни, Молли и Тонкс болтали о «цветовых схемах» и «цветочных композициях», а мужчины за столом слушали их с изумлением, как будто женщины говорили по-гречески. Гарри почти не сказал ни слова, но все равно был счастлив просто согреться в тепле своих друзей. Действительно, он не мог припомнить, чтобы чувствовал себя настолько довольным долгое время.

Артур вдруг поднялся из-за стола и на мгновение исчез. Он вернулся с руками за спиной и озорным выражением лица.

— Что ж, Гарри, я уверен, тебе не терпится узнать обо всем, что произошло с тех пор, как ты побывал в доме своего родственника, но могу я предложить сначала немного расслабиться, прежде чем мы углубимся в подробности? В конце концов, теперь ты мужчина в глазах волшебного мира, так что самое время познакомить тебя с одним из немногих преимуществ взросления. Подмигнув Ремусу, он достал из-за спины бутылку «Олд огневиски Огден» и поставил ее на стол.

— В самом деле, Артур, это необходимо? — спросила Молли. — Я имею в виду, что уже очень поздно, и я уверен, что Гарри просто хочет лечь спать. И я не думаю, что это хорошая идея — побуждать его начать пить».

«Да ладно, Молли, это его семнадцатый день рождения. Пусть он расслабится и немного повеселится. Дорогой, ты не помнишь свой семнадцатый день рождения? — добавил он с блеском в глазах. Молли слегка покраснела и на этот раз потеряла дар речи.

— Не думаю, что она помнит, Артур, — со смехом сказал Люпин. — Может быть, поэтому она не хочет, чтобы Гарри пил.

— Все в порядке, миссис Уизли, правда, — добавил Гарри. «Я хочу знать, что происходит, и не думаю, что смогу уснуть сегодня ночью, если все еще думаю об этом. Кроме того, — добавил он с ухмылкой, — мне всегда было интересно, какой вкус у огневиски.

Словно приняв это за сигнал, Артур вызвал из буфета восемь стаканов и начал щедро наполнять их золотым спиртом. Молли выглядела так, словно собиралась протестовать против того, что Джинни получила бокал, но, очевидно, передумала и ничего не сказала.

'Тост!' — сказал Артур, поднимая свой стакан. «К Гарри Поттеру. С днем рождения и многих, многих других».

«С днем рождения, Гарри», — хором подхватили остальные, и все отхлебнули свежавыжатого ликера. Гарри решил посмотреть, из-за чего весь этот шум.

— Милый Мерлин, — выдавил он, когда сырой дух обжег ему горло на пути вниз. Он подавил желание закашляться, но заметил, что Гермиона и Джинни не смогли этого сделать, обе отплевывались после того, как сделали глоток. Он взглянул на Рона, его глаза начали слезиться, и с облегчением увидел, что его друг тоже изо всех сил старается, чтобы слезы не попали ему в глаза.

«Фоа! От этого волосы у тебя на груди встанут, — воскликнул Рон.

— Право, Рональд, — язвительно сказала Гермиона, — такие вещи могут тебя возбудить, но волосатая грудь не входит в число желаний ни у меня, ни у Джинни. Она изо всех сил пыталась что-то сказать, но чувствовала, что замечание Рона не могло остаться незамеченным.

Все рассмеялись, и это значительно улучшило настроение в комнате, которая грозила стать немного неловкой, когда Артур предложил обсудить последние новости. Прежде чем заговорить, Гарри сделал еще один глоток огневиски. В этот раз все казалось не таким уж плохим. На самом деле, довольно мило .

'Итак, что происходит? Предпринял ли Волдеморт какие-нибудь шаги? Он проигнорировал вздрагивания всех, кроме Лунатика и Гермионы.

Он обратился с вопросом к Артуру, но старший посмотрел на Ремуса с вопросительным выражением лица. Ремус встал и начал ходить по комнате, черты его лица выдавали, что он

глубоко задумался.

«Нет, это короткий ответ, Гарри, — начал он, — но я думаю, что все немного сложнее. Орден вывел людей на улицы, пытающихся собрать информацию. Мы нанесли удар почти по каждому подозрительному бару и торговцу в стране, но ничего не слышим. Похоже, Волдеморт выжидает момента.

— Но зачем ему это? — спросила Гермиона. «Конечно, после смерти Дамблдора пришло время сделать ему шаг?»

— Можно подумать, — ответил Люпин, — но все не так просто. Я думаю, что смерть Дамблдора действительно потрясла его, и он не знает, что делать дальше. Одним из его наиболее замечательных качеств является его стратегическая способность. Он думает и строит планы на долгосрочную перспективу, и я уверен, что каждый его план зависел от того, жив ли Дамблдор. Он будет пересматривать свою стратегию, и он всегда не торопится с этим».

— Но он напал на Хогвартс, чтобы заполучить Дамблдора, — возразил Рон. «Теперь мы знаем, что Малфой весь год планировал его смерть и что он впустил Пожирателей Смерти в замок». Говоря это, он демонстративно избегал смотреть на Гарри.

— Подумай об этом, Рон, — сказал Люпин, — ты действительно думаешь, что Волдеморт ожидал, что Малфой преуспеет в убийстве Дамблдора? Или что кто-то из других Пожирателей Смерти справится с этим? Даже Снейп? Нет, Дамблдор был слишком силен, чтобы в десять раз превзойти тех, кто напал на Хогвартс. Волдеморт не должен был знать, что Дамблдор будет ослаблен предыдущим заданием; он не ожидал, что атака убьет Альбуса.

— Так зачем тогда нападать? — спросил Рон.

— Не знаю, — ответил Люпин. — У него были свои причины. Как я уже сказал, одним из его самых замечательных качеств является его способность планировать на долгосрочную перспективу. В чем дело, Гарри?

Он спросил об этом, потому что Гарри внезапно резко сел прямо на своем месте, когда что-то пришло ему в голову. Если Дамблдор не был целью в ту ночь, то у Гарри было довольно хорошее представление о том, чего на самом деле добивался Волдеморт. Однако в данный момент он не мог обсуждать это; ему пришлось подождать, чтобы поговорить с Роном и Гермионой наедине.

— Ничего, — солгал он, — просто мне не нравится слышать слово «замечательно» в отношении Волдеморта.

Ложь, похоже, сделала свое дело, и Люпин лишь серьезно кивнул.

«Гарри, очень важно, чтобы ты выслушал то, что я хочу сказать, потому что это может спасти тебе жизнь. Вы не должны недооценивать Волдеморта.

Гарри хотел ответить, но Люпин перебил его.

— Ты должен понимать, что у Волдеморта есть много замечательных качеств. Это то, что делает его таким опасным. Он мастер-стратег; он магически силен; он терпелив; он очень, очень умен; он держит свои эмоции в узде и никогда не раскрывает свои планы, пока не будет к этому готов». Люпин ставил галочки на пальцах, пока читал список, но остановился и посмотрел Гарри прямо в глаза. «Эти качества сами по себе достойны восхищения. Достоинно только то, как их использует Волан-де-Морт. Пожалуйста, не упускайте из виду этот факт, умоляю вас.

Гарри внезапно вспомнил тот день, когда он купил палочку в Косом переулке. Старый Олливандер сказал ему нечто подобное. Сказал, что Волдеморт совершил «великие дела; ужасно, но здорово». И он понял, о чем говорил Ремус.

— Все в порядке, Ремус. Я вряд ли буду его недооценивать. Я видел его в действии, помнишь? Это было сказано не резко, но отбрасывало тень на комнату.

— Я знаю, Гарри, — мягко ответил Ремус, — но я должен был убедиться. Он глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. — Со стороны Волдеморта было очень мало активности, но Министерству удалось поймать нескольких менее важных Пожирателей Смерти, и, возможно, именно эти события имеют наибольшее значение.

— Кого они поймали? — спросил Гарри. Он заметил, что Артур тайком наполнил свой стакан, пока Ремус говорил. Он сделал еще глоток, наслаждаясь теплом тепер, когда привык к нему.

— Эйвери, Нотт и Макнейр.

— Они снова в Азкабанах?

— Нет, Министерство приказало их Поцеловать без суда, — ответил Ремус.

Услышав эту новость, Гарри напрягся. «Поцеловал? Поцеловал? С каких это пор Министерство имеет право отдавать приказ о Поцелуе без суда? Я знаю, что Фадж пытался это сделать с Сириусом, но даже тогда он превышал свои полномочия. Он смотрел на лица в комнате, как будто подозревая какой-то подвох, но торжественные взгляды подтверждали, что это было на самом деле.

'С прошлой недели. Вот, посмотри на это.

Ремус вручил Гарри экземпляр «Ежедневного пророка», датированный предыдущей неделей.

Он быстро просмотрел первую полосу, впервые обнаружив, какие изменения произошли за лето. — Они действительно могут это сделать? — наконец спросил он.

— Они могут, и у них есть. Технически это законно и конституционно. Руфус действительно сделал свою домашнюю работу над этим. Теперь мы живем в ограниченном обществе, Гарри. Ремус не сказал, что думает о новых мерах, но тон его голоса выдал его чувства по этому поводу.

— Не уверен, что меня это устраивает, — сказал Гарри, — я имею в виду приказ «Поцелуй дементора»? Ограничение прессы? Задерживать подозреваемых без суда?

— Я не думаю, что это так уж плохо, — вставил Рон. — Эти Пожиратели Смерти были известными убийцами. Я не потеряю из-за этого сон. Я имею в виду, что если вы не сделали ничего плохого, вам не о чем беспокоиться; Правильно?' Он адресовал этот последний вопрос Ремусу, который почти не ответил на него.

— Все не так просто, Рон, — сказала Гермиона. «Министерство лишило нас некоторых очень важных свобод. Они могут действовать безнаказанно против любого, кого они считают угрозой. Все очень хорошо говорят, что это для нашей же защиты, но что дает им право решать, кого от кого защищать? Кто защитит нас от них? «Quis custodiet ipsos custodies», — добавила она.

— Ты знаешь, что я не говорю по-французски, Гермиона, — сказал Рон.

— Это латынь, Рон. Честно говоря, иногда я удивляюсь! « Quis custodiet ipsos custodes ?» Кто будет охранять нас от охранников?

Небольшой урок Гермионы по языку вызвал в зале несколько смешков. Гарри подавил ухмылку, чтобы не расстроить Рона.

— Я согласен с Гермионой, — сказал Гарри. Он не заметил внезапного румянца удовольствия на лице Гермионы при этих словах. «Меня это совсем не устраивает. Поэтому ты не мог привести меня сюда, пока мне не исполнилось семнадцать? Вы действительно думаете, что Министерство задержало бы меня без предъявления обвинений?

— Наверное, нет, Гарри, — сказал Люпин, — но мы не могли рисковать. Итак, вот оно. Вот что происходит после похорон.

— Много, — ответил Гарри. С минуту он сидел молча, пытаясь усвоить эту информацию и ее значение. Он позволил разговору захлестнуть себя – в данный момент он был не в настроении для философских рассуждений о плюсах и минусах министерской должности. Он чувствовал только чувство беспокойства, поскольку ему не нравились новые ограничения. Он сделал еще глоток и с сожалением заметил, что его стакан теперь пуст. Он чувствовал себя очень усталым после трех больших стаканов, так что он полагал, что сейчас это не имело большого значения.

— Думаю, нам всем пора идти спать, — многозначительно сказала Молли. «У нас много дел завтра, и мы сделаем это лучше после хорошего ночного сна».

Казалось, никто не был склонен спорить об этом. Кроме того, бутылка виски была уже пуста, так что довольно сдержанными движениями они пожелали друг другу спокойной ночи.

— Увидимся утром, — сказала Гермиона, обнимая Гарри. — Нам нужно многое обсудить.

— Всем доброй ночи, — одновременно сказали Люпин и Тонкс. Они вышли в сад и встали, взявшись за руки, прежде чем аппарировать. Только тогда до Гарри дошло, что они, должно быть, идут к одному и тому же месту назначения. Они теперь живут вместе? Он сделал мысленную пометку спросить Ремуса утром.

Умывшись и почистив зубы, Гарри и Рон рухнули на свои кровати. Они еще не разговаривали друг с другом наедине, и Гарри подумал, что Рону, вероятно, есть что сказать ему. Он устал, но подумал, что, наверное, лучше поговорить сейчас без Гермионы и Джинни. Ему не приходило в голову, что они оба все еще ощущали воздействие нескольких больших глотков огневиски, так что, оглядываясь назад, разговор, который произошел, возможно, не был полностью неожиданным.

— Ты в порядке, Гарри? Мы беспокоились о тебе, — сказал Рон, скользя в свою постель.

'Да, я в порядке. Рад быть здесь. Очень приятно снова тебя видеть.'

Наступила слегка неловкая тишина, когда Гарри откинул одеяло и забрался в постель. Наконец Рон набрался смелости, чтобы заговорить.

— Гарри, ты не против, если я кое-что спрошу?

'Нисколько.'

— Если это не мое дело, скажи мне, чтобы я убирался отсюда.

— Я сказал, что все в порядке, Рон, стреляй дальше.

— Ты действительно расстанешься с Джинни навсегда? Или это только до тех пор, пока мы не закончим то, что должны сделать? Ненавижу спрашивать, но она моя сестра, и все лето она была немного расстроена. Ты ей действительно нравишься, Гарри.

— Я знаю, Рон, и она мне очень нравится. Лицо Рона просветлело. — Но не таким образом. Уже нет.' Он взглянул на своего друга и заметил теперь грустное выражение на его лице. 'Это трудно объяснить. Прошлый год был для меня очень тяжелым. У тебя была Лаванда. Гермиона

была не в себе, и я думаю, что я просто чувствовал себя немного одиноким. Меня привлекала Джинни — она замечательная девушка — и мне нравилось ее общество, но чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я понимал, что не люблю ее так, как она хотела. Полагаю, это было похоже на поцелуй твоей сестры, — добавил он, подумав.

— Но ты же целовал мою сестру, — смущенно сказал Рон.

— Не твоя сестра. Моя сестра. Если бы он у меня был. Целовать Джинни было все равно, что целовать собственную сестру. Если бы у меня был такой. Гарри еще раз прокрутил это предложение в голове, чтобы понять, имеет ли оно смысл. Так и было. Просто. Именно в этот момент он понял, что выпил довольно много огневиски.

«Итак, ты хочешь сказать, что ты чувствуешь поцелуй с Джинни так же, как я целую Джинни?»

Гарри кивнул.

'Ой.' Рон на мгновение задумался. « Грубо ».

— Я знаю, но я ничего не могу с этим поделать. Я понял это летом. Надеюсь, ты не сердишься на меня. Меньше всего мне хотелось причинить Джинни боль. Я люблю ее, но...

'...только как сестра. Ага-ага. Я понял. Рон на секунду замолчал. — Все в порядке, Гарри, я на тебя не сержусь. Как я мог быть? Ты мой лучший друг. Джинни переживет это. Она просто обязана. Вы не можете изменить свои чувства к кому-то только потому, что они этого хотят».

— Спасибо, Рон.

— Однако тебе придется сказать ей. Вы знаете, что не так ли? Нечестно тянуть ее за собой.

'Я знаю. Я скажу ей при первой же возможности. Обещаю.'

В наступившей тишине Гарри подумал, что Рон в старости стал философствовать. А может быть, это была просто выпивка. Однако у него был свой вопрос, на который он хотел получить ответ, и сейчас самое подходящее время, чтобы задать его. И учитывая, сколько алкоголя они оба выпили, это было, вероятно, лучшее время, чем обычно.

— Могу я спросить тебя кое о чем, Рон? Это личное.'

'Конечно.'

— Что происходит между тобой и Гермионой? Там. Он сказал это. Это было легко.

Рон замер на секунду, прежде чем ответить.

'Каким образом?'

— Так же, как вы двое танцевали друг вокруг друга весь прошлый год, ничего с этим не делая. Она тебе нравится? Романтически, я имею в виду? — добавил он, чтобы в его вопросе не могло быть двусмысленности.

'Я не знаю. Я так не думаю.'

— Что значит, ты не знаешь? Либо она тебе нравится, либо нет, — сказал Гарри, садясь и осуждающе глядя на друга.

Рон вздохнул. — Это не так просто, Гарри. Отношения между мной и Гермионой могут быть... трудными. Иногда мне кажется, что она мне действительно нравится. Я имею в виду, что она красивая, умная, преданная и добрая; и временами я действительно чувствую, что у нас есть связь, понимаешь? Но потом она идет и делает или говорит что-то, что сводит меня с ума. И я знаю, что делаю то же самое с ней. Я не думаю, что мы очень совместимы. Я имею в виду, сколько у нас действительно общего? Когда я говорю о квиддиче, я ее утомляю. А потом она говорит о вещах, которые настолько выше моего понимания, что я даже не вижу их сути. Думаю, меня привлекла идея пойти с ней на свидание, особенно после того, как ты переспал с Джинни. Я думал, что ты будешь проводить меньше времени со мной и Гермионой, поэтому нам казалось очевидным, что мы должны собраться вместе. Но теперь я понимаю, что мы не очень подходим друг другу. Я имею в виду, она мыслит кривыми; Я думаю прямыми линиями. Я не думаю, что мы будем работать вместе.

Гарри был удивлен красноречием Рона. Он также осознавал, что его сердце немного екнуло, когда Рон пришел к выводу, что ему не нравилась Гермиона в романтическом плане. Он решил пока игнорировать это.

«Кажется, вы думаете, что сегодня вечером все в порядке — правильно или нет».

— Да, виски, наверное, помогает. Так или иначе, не так давно со мной произошло нечто, что заставило меня усомниться в своих чувствах к ней. Если бы я не дружил с тобой, а ты не дружил с ней, были бы мы с Гермионой друзьями? Наверное, нет, если быть честным с самим собой. Я благодарен за то, что она мой друг, но я подозреваю, что мы никогда не будем чем-то большим. Я не слишком расстроен этим; ты не можешь помочь такой, какая ты есть.

Гарри задумчиво посмотрел на друга. Он никогда не верил, что у Рона есть воображение или чувствительность, которые он продемонстрировал сегодня вечером. Может быть, они должны пить чаще. Однако оставался последний вопрос, который нужно было решить.

'Мы в порядке? В прошлом году все было немного странно.'

— Да, я знаю, и мне очень жаль, — ответил Рон.

'Не нужно-...'

'Да, есть. В прошлом году я был немного придурком. Тебе и Гермионе. Пора мне вытащить голову из задницы и немного повзрослеть».

'Я тоже. Я, должно быть, был кошмаром в прошлом году. Прости, — мягко добавил Гарри.

— У тебя было много дел после Министерства. После Сириуса.

Оба долго молчали, глубоко задумавшись.

— Что бы ни случилось, Гарри, ты мой лучший друг. Вы всегда будете. Этого ничто не изменит.

— Спасибо, Рон. Ты тоже. Мой лучший друг, я имею в виду. Тогда мы остынем?

«Мы крутые». Рон вдруг усмехнулся. 'Как вы думаете? Может, попробуем спуститься вниз и «высвободить» еще немного папиного огневиски?

Гарри какое-то время смотрел на своего друга. Было видно, что Рон после такого откровенного разговора пытался вернуть их на более привычную почву. Он понял, что к нему вернулся его лучший друг, хотя до конца не осознал, что его больше нет, и вдруг все стало не так уж плохо. Тяжесть, которую Гарри даже не заметил на своих плечах, исчезла. Затем его лицо расплылось в улыбке. Первая настоящая искренняя улыбка за последние месяцы.

'Конечно.'

<http://tl.rulate.ru/book/80408/2444010>